

Александр *Телевин*

КАЛИНОВА ЯМА

5

ПЯТЫЙ РИМ

Александр Пелевин

КАЛИНОВА ЯМА

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

УДК 82-31
ББК 63.3(2)
П 24

Оформление переплета М. Левыкина.

Автор иллюстраций М. Пономарева.

Пелевин А. С.
П 24 Калинова Яма. Роман. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. — 384 с., илл.

ISBN 978-5-9908266-0-1

Июнь 1941 года, несколько дней до начала войны. Немецкий разведчик Гельмут Лаубе, работающий под легендой московского журналиста, засыпает в поезде и попадает в череду бесконечных снов во сне, из которых невозможно проснуться. Каждый раз, просыпаясь в очередном иллюзорном мире, он подъезжает к одной и той же станции — Калинова Яма.

Испания, 1937 год. Польша, 1939-й. Революционный Петроград и Германия 20-х годов. Лагеря на Колыме и Восточный Берлин 70-х. На фоне воспоминаний Гельмута Лаубе и его бесконечных снов разворачивается история человека, достигшего пограничного состояния.

Юнгианское путешествие по русскому бессознательному в немецкой форме. Поиски Спящего дома и Болотного сердца. Сны о войне под стук вагонных колёс. Бескрайнее поле на территории вечного забвения. Пугающее прикосновение к чудовищным глубинам распавшейся личности.

Просыпайтесь. Мы подъезжаем к станции «Калинова Яма».

УДК 82-31
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9908266-0-1

© Пелевин А. С., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017
© ООО «Бестселлер», 2017

Посвящается А.Р.

I. Хамелеон

— Дин-дон, дин-дон, звенят колокольчики в небе, птицы щебечут серебряным голосом, солнце ушло, чтобы завтра вернуться; спи, и во сне ты увидишь, как в речке вода превращается в лунное золото. Сядешь на берег, посмотришь на месяц и жди. Дин-дон, дин-дон, звенят колокольчики в небе над речкой, птицы уснули, и солнце уснуло, и ты засыпай.

Старуха сидела у моей кровати, горела свеча, и у меня был жар; она говорила размеренно, тихо, скрипуче-протяжным голосом, ласковым и усыпляющим шепотом. В голове все плыло, и пламя свечи извивалось, как ведьмин язык из старинной гравюры в моей детской книжке. Веки мои тяжелели, капли тяжелого пота текли по горящим вискам. Пересохли искусанные губы, и я слышал свое тяжелое дыхание и голос старухи.

— Кошки уснули, собаки уснули, совы уснули, и рыбы в пруду засыпают. Только не спят колокольчики в небе, они говорят тебе: спи. Они говорят тебе: дин-дон, дин-дон, спи, засыпай, ждет тебя речка, и берег, и лунное золото. Тени уже не придут, никогда не придут; слышишь, об этом поет за окном соловей. Спи, засыпай, и во сне ты пойдешь за околицу, к речке, на берег, и месяц тебе улыбнется; спи, засыпай.

И в моих закрытых веках поднялся густыми клубами
черный туман, а в нем улыбнулась луна. И голос стару-
хи звенел колокольчиком, пел соловьем, шелестел тихим
ветром в листве.

И во сне я вышел на берег, и вода в реке превратилась
в лунное золото.

*(Из рассказа Юрия Холодова
«Бирюзовая ночь»)*

ВЫПИСКА

*из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 24 июня 1941 года*

ВОПРОС. Назовите ваше имя, фамилию, дату и место
рождения.

ОТВЕТ. Гельмут Лаубе. Родился 22 июля 1905 года в
городе Оренбурге.

ВОПРОС. Назовите имена, фамилии и род занятий ва-
ших родителей.

ОТВЕТ. Отец — Рудольф Карлович Лаубе, адвокат.
Мать — Ольга Николаевна Беккер, учительница.

ВОПРОС. В каком году ваша семья уехала из Рос-
сии?

ОТВЕТ. В 1915 году мы переехали в Петроград. В но-
ябре 1917 года эмигрировали в Берлин.

ВОПРОС. Когда вы начали работать в германской раз-
ведке?

ОТВЕТ. В сентябре 1936 года я поступил на службу в
Отдел-2 Абвера, с 1938 года работал в СД.

ВОПРОС. Вы можете рассказать, что произошло
17 июня на станции Калинова Яма?

ОТВЕТ. Я не помню.

Москва, 12 июня 1941 года, 11:30

— Товарищ Сафонов! Товарищ Сафонов! — закричала загорелая девушка в бежевом платье, заведя в конце трамвая высокого мужчину в темно-серой клетчатой кепке набекрень и белой рубашке с закатанными рукавами. Одной рукой он держался за поручень, в другой держал саквояж из коричневой кожи. Девушка пыталась протиснуться к нему через стоящих в вагоне людей. Мужчина обернулся и посмотрел в ее сторону невзрачными серыми глазами: на вид ему было чуть больше тридцати, из-под кепки выбивалась прядь пшенично-светлых волос, а на впалых щеках поросла мелкая однодневная щетина.

— Я вчера прочитала вашу заметку о нашей секции плавания, — заговорила девушка, пройдя через вагон. — И увидела свою фотографию! В газете! Я показала ее маме, она очень радовалась.

Сафонов удивленно поднял бровь, и от этого на его лбу выгнулась глубокая морщина. Немного подумав, он улыбнулся одним уголком рта и ответил:

— Да. Я вспомнил вас. У вас действительно замечательная секция, вы молодцы.

— Я просто еду на учебу и совершенно случайно узнала вас! Спасибо вам за заметку, мы все так гордимся! Я так расстроилась, что не победила в заплыве, а потом прочитала газету, и это было эээ... очень неожиданно и приятно.

— Не за что, — ответил Сафонов. — Я всегда рад написать что-нибудь хорошее о красивых спортивных девушках.

Его собеседница слегка смутилась, но затем вновь рассмеялась.

— Олег Сергеевич, да? Меня зовут Светлана.

— Я помню, — Сафонов вновь улыбнулся одним уголком рта. — Тихомирова, верно?

— У вас очень хорошая память. А вы далеко едете? Может, нам по пути?

— Я выхожу на следующей остановке у Театрального проезда, мне в «Метрополь». Нет, не подумайте, это по работе, — смущенно добавил он, увидев неподдельное восхищение в глазах девушки после упоминания ресторана.

— Какая интересная у вас работа! А мне дальше, — девушка поняла, что ее восхищение слишком очевидно, и отвела взгляд, но от этого ее поведение стало еще более игривым.

Трамвай подъехал к остановке и с лязгом затормозил.

— Мне пора. Приятно было снова увидеть вас. Может быть, еще встретимся, — улыбнулся Сафонов.

— До свидания!

Сафонов соскочил с подножки, вдохнул свежий уличный воздух, повел правым плечом, будто отгоняя назойливое насекомое, и быстро зашагал по мостовой. Обернувшись, он увидел, что девушка машет ему рукой, и помахал ей в ответ. Трамвай тронулся. Продолжая улыбаться, Сафонов направился в сторону «Метрополя».

Ее фотографию выбрал не я, заметил про себя Сафонов, а редактор. Впрочем, это неважно. Такая милая девочка.

Три дня назад журналист Олег Сафонов писал для «Комсомольской правды» заметку о женской секции плавания при городской морской школе ОСОАВИАХИМа. Это было действительно интересно: девушки от шестнадцати до двадцати трех лет соревновались в заплыве на скорость, первое место заняла школьница родом из Бреста — ее звали Маша, — а на втором месте оказалась как раз Светлана Тихомирова, и сфотографировать при-

шлось именно ее, потому что победительница получила цветы и быстро куда-то убежала.

Сафонов любил писать о соревнованиях. Это было интереснее, чем заседания горисполкома или очередные вести с полей из Подмосковья. Об этом было проще и веселее писать. И люди там сговорчивые, подумал он про себя и почему-то опять улынулся.

У двери ресторана он достал из кармана брюк портсигар с витиеватым восточным узором, подаренный ему месяц назад молодым журналистом из Ташкента. Вытащил папиросу — это был купленный накануне утром «Алжир», и от пачки осталось всего четыре штуки — перегнул пальцами, зажал в зубах и, чиркнув спичкой, закурил. До назначенной встречи оставалось пятнадцать минут. Сафонов всегда приходил заранее.

Лето выдалось жарким. Полуденное солнце расплывалось золотистыми бликами в витринах, над брусчаткой сгущался нагретый воздух. Почувствовав, что волосы совсем взмокли под кепкой, Сафонов снял ее и убрал в саквояж. Провел рукой по мокрому лбу. Затянулся папиросой. Хороший день, подумал он. Надо будет выпить пива. В «Метрополе» подают хорошее темное. Но потом. Все — потом.

А еще, подумал Сафонов, надо будет спросить у собеседника, остались ли у него нормальные сигареты. Он мог привыкнуть ко всему, в том числе и к этому ужасному терпкому вкусу папирос, все время норовивших погаснуть после каждой затяжки, но хороших сигарет не курил уже очень давно.

Сафонов докурил, выбросил папиросу, снова поправил рукой сползающую на лоб взмокшую прядь и вошел в ресторан. Сразу стало прохладно.

В ресторане не было почти никого, только в дальнем углу сидели четверо уставших интуристов в промокших рубашках и с широкими пестрыми галстуками. Они по-

тягивали пиво, лениво переговаривались на английском с американским акцентом и явно не хотели уходить из прохлады ресторана в московскую жару.

Сафонов сел у забронированного столика возле окна, поставил саквояж на пол, поздоровался с официантом и заказал кофе.

За окном была ленивая полуденная Москва. Прохожих было мало, машин — еще меньше. Разомлев от жары, толстяк в белом пиджаке медленно и вальяжно шел с тросточкой по тротуару, за ним неторопливо гуляла под ручку молодая пара: рослый бритоголовый парень, видимо, спортсмен, и смуглая девушка с азиатскими скулами. У колонн Большого театра выстроился отряд курсантов.

Ровно в двенадцать часов в ресторан вошел низкорослый седовласый мужчина, одетый в серую тройку, с прямой осанкой, в круглых очках и с сухим, морщинистым лицом. Он вежливо улыбнулся официанту, снял шляпу и неторопливо зашагал к столику, за которым сидел Сафонов.

— Добрый день, — сказал посетитель с сильным немецким акцентом.

— День добрый, товарищ Кестер.

Они пожали друг другу руки.

Собеседником Сафонова был Клаус Кестер — советник германского посольства в Москве. Он сел за столик, подозвал официанта и тоже заказал кофе.

— Предлагаю после интервью выпить по кружечке холодного темного пива, — сказал Сафонов. — Погода располагает.

— Погода или общение со мной? Пиво — немецкое национальное достояние. Разве русские не пьют водку в любую погоду? — улыбнулся Кестер, и вокруг его глаз появились тонкие морщины.

— Безусловно, — с такой же вежливой улыбкой ответил Сафонов. — А еще у нас по улицам гуляют медведи.

Будете на Красной площади — обязательно понаблюдайте. Только осторожнее: они очень опасны. Еще водку пить заставят.

Кестер рассмеялся.

— Вы мне нравитесь, Олег. Когда вы берете у меня интервью, я отдыхаю сердцем. Ваше руководство не думает повесить вас?

— Пока об этом речи не идет. Но, если вы позволите, давайте перейдем непосредственно к интервью. — Сафонов достал из саквояжа блокнот, вытащил из кармана рубашки ручку и приготовился записывать.

— Да, конечно, — Кестер взял со стола салфетку, отер вспотевший лоб, затем снял очки и их тоже протер, снова надел очки и отхлебнул кофе. — Вы хотели поговорить о сотрудничестве в сфере истории и культуры, насколько я помню?

— Да, именно. Вы упоминали о каких-то мероприятиях в сфере совместного изучения истории наших народов. Можно подробнее?

— Здесь очень много интересного, — Кестер говорил лениво и размеренно, с долгими паузами между предложениями. — Скажем, еще в прошлом месяце при посредничестве посольства удалось достичь договоренности между советскими и германскими археологами. Дело в том, что в Германии в последние годы наблюдается повышенный интерес к теме дохристианских религиозных верований. Наши советские коллеги тоже интересуются этой темой, но, к сожалению, языческая религия славян оставила очень мало памятников, по которым ее можно реконструировать. Отчасти это объясняется тем, что у славянских племен были распространены в основном деревянные изделия, что уже говорит об их недолговечности. Добавим к этому — как это по-русски — перегибы в христианизации Руси, в результате чего сильно пострадала устная традиция. Наши германские археологи пред-

ложили коллегам из СССР помощь в раскопках на территории Новгородской области. Также мы пригласили советских ученых в экспедицию на остров Рюген, где, по многим данным, славяне побывали раньше германцев. Коллеги выразили большую заинтересованность в этом проекте, и надеюсь, что наше сотрудничество в данной сфере будет длительным и плодотворным.

— Когда планируется поездка?

— В конце лета или начале сентября.

— Спасибо. Как вы считаете, насколько возможен подобный исторический проект в нынешних непростых условиях? В Европе война.

— Уверен, до острова Рюген война не доберется. Я являюсь твердым последователем мирных и добрососедских отношений с Советской Россией. Мы должны развивать сотрудничество во всех сферах, и особенно, на мой взгляд, в изучении истории. Прошлое сближает в настоящем.

— Полагаете, наши народы тесно связаны историческим прошлым?

— Разумеется. Наша история неоднократно соприкасалась и сочеталась в самых причудливых вариантах. Хочется надеяться, что впредь мы будем сотрудничать на благо нашего общего будущего.

— Планируются ли какие-то события в сфере культуры и искусства?

— Конечно. Я даже не смогу сейчас вспомнить все проекты, к которым мы готовимся... Скажем, в июле мы хотим дать в Москве концерт джазовых музыкантов из Германии. В сентябре в Мюнхене запланирован большой фестиваль народных песен, на который мы уже пригласили творческий коллектив из Архангельска. Я слышал их песни — в них непередаваемое очарование Русского Севера, которое, я уверен, найдет свое место в сердцах немецких слушателей.

— Вам нравятся русские песни?

— Конечно. Я помню, как меня поразила до глубины души песня об умирающем в степи... как это...

— Ямщике?

— Да-да. Степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой умирал ямщик.

— Очень мрачная песня.

— Мы, германцы, любим трагизм. Это у нас в крови. Трагическое величие смерти всегда было любимой темой наших поэтов и музыкантов.

Кестер допил кофе, подозвал официанта и попросил принести еще. Сафонов оглядел зал: кроме них в ресторане по-прежнему не было никого, кроме уставших американцев. Один из них, судя по всему, был готов уснуть прямо за столом.

— А, да, — продолжил Кестер. — Еще мы договорились с Ногинским заводом о выпуске серии грампластинок немецких исполнителей. Марика Рёкк, Эрик Хелгар, Ханс Бунд — скоро вы сможете купить их в Москве в новейших изданиях и в хорошем качестве.

— К слову, Ханс Бунд у нас уже выпускался. У меня есть пара пластинок. Но разве джаз в Германии сейчас не подвергается остракизму?

— А в Советском Союзе? — улыбнулся Кестер.

— Как сказать... Все равно эту музыку любят и слушают. — Сафонов слегка смутился и вычеркнул что-то в блокноте.

— Вот так же и у нас. Музыка — величайшая объединяющая сила. Главное, чтобы она не призывала молодежь к разрушению и саморазрушению. За этим у нас следят. И у вас тоже.

— Согласен. А вы сами любите джаз?

— Честно — да. Очень. Даже американский. Только не пишите об этом, а то некоторые мои товарищи могут дать мне за это по голове, — Кестер рассмеялся.

— Как скажете.

Сафонов вновь посмотрел на компанию американцев: они медленно и лениво поднимались с кресел и собирались уходить. Один из них копался в бумажнике, чтобы расплатиться.

— И напоследок, — Сафонов с облегчением вздохнул. — Как вы можете оценить перспективы советско-германского сотрудничества в культурной сфере?

— Перспективы прекрасны. Мы гораздо ближе, чем может показаться на первый взгляд. Мы — разные народы с разным национальным характером и разным темпераментом, но если мы будем вместе работать на благо нашего будущего, мы добьемся ошеломительного успеха. Так и будет: я в этом более чем уверен.

— Спасибо за яркое интервью.

— Не стоит благодарности. Мне очень приятно общаться с вами.

Сафонов вновь посмотрел в дальний угол: американцы расплатились и пошли к выходу. Кестер тоже наблюдал за ними. Между собеседниками повисло недолгое молчание, пока туристы выходили из ресторана.

Сафонов захлопнул блокнот и нервно повертел в пальцах ручку. Затем он подозвал официанта:

— Будьте добры, два темных пива, пожалуйста.

Когда официант удалился, Сафонов слегка понизил голос, но почти не сменил тона.

— А теперь, Клаус, давайте о деле. Я очень долго добивался разрешения на это интервью.

Кестер снова протер очки и ответил таким же слегка пониженным голосом:

— Зачем вы предложили этот ресторан? Мы тут как на ладони. И эти американцы, — он кивнул на опустевшее место в дальнем углу. — Да и официант.

— Вы полагаете, один из американцев?

— Тот, что делал вид, будто засыпает за столом.

— А официант?

— С большой долей вероятности. Еще я видел мужчину, который минут десять курил за окном. Одну за другой. Постоял, выкурил три папиросы и ушел.

— Но мы провели интервью. Если они и слушали, то теперь все нормально. Лишняя паранойя вредна, Клаус, и вы, как никто другой, это знаете.

Кестер промолчал. Его лицо больше не показывало ленивой расслабленности: глаза его нервно бегали по сторонам.

— Вы железный человек. Завидую. Я уже старый, нервы ни к черту, — Клаус снова посмотрел в окно. — Завтра я возвращаюсь в Берлин. Несколько моих коллег тоже. Некоторые уже уехали вчера, другие уедут сегодня или завтра.

— Так скоро? Вы полагаете...

— Я знаю.

Оба замолчали и стали смотреть в окно: официант принес пиво. Сафонов поблагодарил его и попросил счет. Официант вновь удалился.

— Когда? — встревоженно спросил Сафонов.

— Не знаю, но очень скоро. Точно знаю, что у нас еще как минимум десять дней. Но меня отзывают обратно уже сейчас. Более того: на Чистом переулке¹ сжигают бумаги. Я видел, как коробки с документами относили в подвал. При этом никто толком ничего не говорит касательно даты. Но на уровне слухов — да, около десяти дней.

Кестер достал из кармана жилета серебряный портсигар, нервными движениями достал сигарету, чиркнул спичкой и закурил.

— Теперь вы понимаете, что моя тревога небеспочвенна.

¹ До войны в доме № 5 по Чистому переулку располагалась резиденция посла Германии в СССР Вернера фон Шуленбурга.

— Понимаю, — Сафонов тоже закурил.

— В общем, вот, — Кестер распахнул пиджак и вытащил из внутреннего кармана свернутый экземпляр «Комсомольской правды». — Это вам. По нашему делу.

Сафонов взял газету, развернул, глянул на дату. Это был вчерашний номер: тот самый, в котором была его заметка о секции плавания. На главной полосе была фотография Светланы Тихомировой, которая встретила ему сегодня в трамвае.

— Как обычно? — спросил он.

— Да, — Кестер резко выпустил струю дыма и стряхнул пепел.

Сафонов свернул газету и положил ее в саквояж. Из дальнего конца зала к ним шел официант. Кестер снова затянулся сигаретой и отхлебнул пива.

— Хорошее, густое, — сказал он.

— Да, мне тоже нравится. Главное — не злоупотреблять, — улыбнулся Сафонов.

Официант положил на стол счет.

— Что-то еще? — любопытствовал он.

— Нет, спасибо, — с улыбкой ответил Сафонов. — Очень хорошее пиво.

— Рад слышать, — официант вежливо откланялся и удалился.

— А что вам нравится из современной советской музыки? — сменил тему Сафонов. — Может быть, слышали Шульженко?

— Шульженко слышал, очень хороша, — Кестер снова говорил медленно и лениво, потягивая пиво из кружки. — И Изабелла Юрьева. Чарующий голос.

— Согласен, — Сафонов тоже глотнул пива и откинулся на спинку кресла, потому что в глаза вдруг резко ударил луч солнца, отраженный через стекло от витрины напротив. — Кстати, хотел спросить: не осталось ли у вас сигарет? Я имею в виду — нормальных сигарет.

— Увы, увы, — повел плечами Кестер. — Давно не привозили. У меня в портсигаре осталась последняя. Простите, но не смогу вам ее пожертвовать.

Допив пиво и расплатившись, они вышли из ресторана, пожали друг другу руки и попрощались. Сафонов пошел к остановке трамвая. Кестер остался у входа в ожидании такси.

Олегу было тревожно. Трамвай на этот раз был почти пуст: он сел у окна, поставив саквояж на колени, и тяжело вздохнул.

Придя домой, он закрыл за собой дверь, плотно завесил шторы, поставил саквояж на стул и вытащил газету. Открыл на двенадцатой странице. К ней была плотно приклеена желтоватая бумажка с длинными рядами мелких цифр. Сафонов нагнулся к плинтусу и вытащил из-под паркета похожую бумажку, но в два раза больше по формату. Сел за стол, положил обе бумажки рядом, взял ручку и принялся за расшифровку.

Через полчаса текст был готов. Сафонов хмурился и кусал губы. Ничего хорошего.

БЕЛИНСКОМУ

Поручено 18 июня прибыть в Брянский гарнизон РККА. Прикрытие — очерк о местном писателе Юрии Холодове, отбывающем службу в части. В случае неудачи придумайте другой предлог. Добейтесь командировки любыми средствами. Если не получится — просите отпуск и отправляйтесь сами. Вам нужно быть на поезде, отправляющемся в Брянск из Москвы в 9:15 утра 17 июня. Первая задача — выяснить положение дел в гарнизоне, количество солдат и офицеров, расположение артиллерии. Вторая задача — выяснить планы командования на случай войны: куда направятся части, как планируется организовать оборону участка. Третья задача — выяснить, насколько защищен Брянский укрепрайон. Этот

шифр с 13 июня не будет употребляться. Для отправки этих данных вам нужен новый шифр и передатчик, их вы получите у связного Юрьева. Он будет ждать вас 17 июня в 14:40 на станции Калинова Яма в голубой рубашке и серой кепке. Время остановки — 20 минут. Пароль: «Где здесь можно купить пирожков с мясом?» Отзыв: «Сам не могу найти, зато тут продается отличный квас». Задание выполнить в сжатые сроки, не позднее 20 июня, после чего немедленно передайте радиограмму и сразу же возвращайтесь в Берлин любым путем. Важность — высочайшая. Будьте крайне бдительны.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сафонов снова тяжело вздохнул, закурил и принялся расхаживать кругами по комнате. Зажав папиросу в зубах, снова подошел к столу, аккуратно разорвал все три бумаги на тонкие полоски, скомкал, бросил в пепельницу, поджег.

«Новый шифр, — подумал он, продолжая ходить кругами по комнате и поглядывая на загоревшиеся в пепельнице бумаги. — Значит, все-таки опасаются. Кестер был прав. Не позднее 20 июня. Неужели действительно... Черт».

Он кинул в горящие бумаги докуренную папиросу. Когда пламя угасло, он распахнул шторы и открыл форточку. Свежий июньский воздух ворвался в комнату и растрепал занавески. За выходящим во двор окном пели птицы.

Он снова нервно повел плечом и улыбнулся правым уголком рта. Провел ладонью по щетине и подумал, что надо было с утра побриться. Щетина у него всегда росла слишком быстро, и бриться приходилось каждый день, но сегодня не нашлось времени.

Ничего, ничего, подумал он. Наконец-то дело.

Его звали Гельмут Лаубе. Фамилия Белинский была его оперативным псевдонимом.

Москва, 12 июня 1941 года, 14:15

— Тарас Васильевич, к вам можно?

— О, Сафонов! Заходи, конечно. Только побыстрее — у меня обед через пятнадцать минут, а я не успел сегодня позавтракать, представляешь? Ну заходи, заходи, что ты как столб, в самом деле.

Сафонов вошел в кабинет редактора отдела культуры «Комсомольской правды» Тараса Костевича, закрыл за собой тяжелую дубовую дверь и уселся на стул. Начальник, невысокий толстяк с аккуратно выбритыми усиками, был, как всегда, суетлив и подвижен, даже когда сидел: его грузное тело, казалось, все никак не может найти подходящее положение в кресле.

— Что так долго возился с интервью? Надо успеть сегодня сверстать. Как прошло? — спросил Костевич.

В кабинете было душно и накурено: на столе Костевича стояла пепельница с горой окурков, которые он так и не удосужился выкинуть. Окно было раскрыто нараспашку из-за жары, на стене висел портрет Сталина.

— После интервью мне пришлось быстро заехать домой, — ответил Сафонов. — Представляете, служебный пропуск оставил. Но я ведь укладываюсь в срок, через час сдам готовый материал.

— А надо раньше срока! — громко и твердо сказал Костевич. — Да шучу, шучу. Я без претензий. Ты ко мне зачем?

— Понимаете, тут такое дело... — замялся Сафонов. — Вы знаете брянского писателя Юрия Холодова? Он часто бывал в Москве, у него здесь был творческий вечер.

— Конечно, — нахмурился Костевич.

— Дело в том, что он поступил на службу в Красную армию. Причем по собственному желанию: захотел,

видите ли, посмотреть солдатский быт изнутри, вдохновиться для новых рассказов, прославляющих наших красноармейцев.

— Дело хорошее, — пробурчал начальник, продолжая хмуриться: видимо, он был погружен в свои мысли.

— Я был раньше знаком с ним, — соврал Сафонов. — И хотел бы отправиться в командировку в Брянск, чтобы написать о нем очерк. О нем, о быте гарнизона — если, конечно, разрешат.

— О быте гарнизона вряд ли разрешат, время неспокойное. Кстати, что там твой немец? Не говорит, когда война будет?

— Войны не будет, — улыбнулся Сафонов.

— Ну-ну. Ладно, в Брянск, значит, хочешь? Никак не получится, брат, совсем никак. Межрайонные соревнования послезавтра. Будешь там. Спортивный отдел тебя опять хочет, передам тебя им.

Сафонов почувствовал, будто на него медленно опускается потолок. Он сглотнул слюну, хотел было нервно закусить губу, но вовремя осекся и, не подавая виду, сказал:

— Това-а-арищ Костевич. Я уже полгода из Москвы и Подмосковья никуда не вылезаю. Спортивных репортеров и без меня хватает. Целый отдел. Не могу я больше про этот спорт писать, вот правда. Неужели у них никого нет?

— Надоело в Москве сидеть? На поля захотелось? — В голосе Костевича появились нотки недовольства.

— Хочу написать о творческом работнике, решившем разделить с советскими воинами все тяготы солдатской жизни, — без запинки ответил Сафонов, глядя в глаза начальнику.

Костевич побарабанил толстыми пальцами по столу, посмотрел в окно.

— Хорошо, давай начистоту. Что там у тебя в Брянске? Честно говори.

Сафонов тяжело вздохнул и ответил:

— Тарас Васильевич, баба у меня там. Месяц назад сюда приезжала, с тех пор не виделись. Заскучал ужасно.

— Ба-а-аба? — Костевич присвистнул. — Ну дела, Сафонов! И никто не знает! Я-то думал, ходит такой один-одинешенек, живет себе один, а у него, оказывается, баба в Брянске! А здесь что? Здесь что, бабы плохие?

— Хорошие, — смутился Сафонов.

Костевич громогласно расхохотался.

— Ну ты, друг, даешь! Вот честно, без обид: я уже вообще было подумал, что ты из этих...

— Не привык обижаться. Но, Тарас Васильич, отпустите в Брянск, а? Хоть пару дней там побуду, и то хорошо. Текст вам сделаю — просто загляденье будет, а не текст. Может, еще и наверху за него похвалят. Вам же хорошо будет! И на гостиницу тратиться не надо, у бабы поживу.

Костевич усмехнулся в усы, снова присвистнул и ответил:

— Черт с тобой, Сафонов. Поезжай в Брянск. Считай, что это тебе небольшой отпуск за хорошую работу. Хотя ты же будешь работать, ха-ха. Ладно, ладно... Позвоню в бухгалтерию, вечером зайдешь за деньгами, купишь билеты. С Брянским гарнизоном свяжемся, может, и разрешат что. И чтобы не позже 22-го числа вернулся, ясно? Заседание горисполкома будет, как раз будут культуру обсуждать. Чтоб был как штык! Понял?

— Понял, — кивнул Сафонов.

— Все. Иди в редакцию, доделывай интервью со своим немцем. А я на обед наконец схожу.

— Спасибо!

Сафонов поднялся со стула и направился к выходу из кабинета.

— Стоять, — раздался сзади голос начальника.

Сафонов обернулся: Костевич хитро улыбался и опять барабанил пальцами по столу.

— Ты же помнишь, что завтра у меня день рождения?

— Да, конечно.

— Где и когда?

— В 20 часов, в «Коктейль-холле». Вы же сами неделю назад всех звали.

— Молодец, помнишь. А если не придешь, я обижусь. Очень обижусь, Сафонов. Настолько обижусь, что не будет у тебя никакого Брянска.

По выражению лица Костевича иногда трудно было понять, шутит он или говорит всерьез.

— Хорошо, — ответил Сафонов.

— Отличный вечер будет, это я обещаю! Все. Иди, иди. И побрейся!

Сафонов распрощался и вышел из кабинета. Никакой женщины в Брянске у него не было. Он вообще никогда не бывал в Брянске.

Из воспоминаний Гельмута Лаубе. Запись от 12 мая 1967 года, Берлин

С Шелленбергом я встречался только один раз, когда вернулся в Берлин из Польши в ноябре тридцать девятого. Тогда он еще не руководил заграничной разведкой. Это была вечеринка высоких шишек из НСДАП в берлинском ресторане, и друзья решили познакомить меня с ним. К тому же вечеру относится мой единственный снимок в форме СД — пару лет назад я совершенно случайно нашел его у бывшего коллеги. Сейчас эта фотография висит у меня на стене. Рядом с кадром из Испании, где я позирую в окружении фалангистов с винтовкой за спиной и гранатой за поясом, и со снимком из Москвы, на котором я стою в костюме и шляпе возле отеля «Националь».

На той единственной встрече меня представили Шелленбергу как героя Испании (слегка преувеличив мои заслуги) и хорошего профессионала, отлично проявившего себя при подготовке к польской кампании. Во время короткого разговора он заметил, как я невольно начинаю копировать его мягко-аристократичные интонации. Он рассмеялся и назвал меня хамелеоном. Так и сказал: «А вы настоящий хамелеон, Лаубе. Это полезное умение для человека ваших занятий».

Шелленберг смог за две минуты разговора подметить то, что мог увидеть далеко не каждый: мое умение приспособливаться к собеседнику, к его манере речи, мимике, поведению. Видимо, он заметил это, потому что тоже вел диалоги подобным образом, сохраняя при этом свойственное ему обаяние. Иногда пугался даже я: это происходило не по моей собственной воле, а словно само собой. Бывали даже анекдотичные ситуации.

В 1938 году я вел переговоры по работе с одним партийным бонзой из Мюнхена. Настоящий баварец, пошляк и любитель глупых шуток. Он рассказывал idiotские анекдоты и сам же хохотал над ними, как резаный боров. Сразу после этого разговора я пошел расслабиться в бар со старыми товарищами по журналистике, и те сказали, что я был невыносим. За мной никогда не замечали такого грубого юмора, да еще и с заметным баварским говором.

Я не специально. Это происходило как будто само. Еще на школьной скамье я ловил себя на том, что перехватываю интонации учителя, отвечая на вопросы.

Со временем я научился контролировать это свойство и обращать его себе на пользу. Примеряя на себя шкуру собеседника, намного легче понять, как с ним действовать, как добиться от него нужного результата, где стоит надавить, а где сделать послабление. В этом умении нет ничего мистического — просто высокая эмпатия. Тем

не менее иногда от этого становилось страшно. «Я ни разу не видел тебя таким, какой ты есть», — сказал перед моей поездкой в Россию мой старый приятель из СД Рудольф Юнгханс.

Действительно.

Хосе Антонио Ньето (с моей-то северной физиономией, ха-ха — впрочем, в Испании от меня не требовалось внедрения, я выполнял *другие* задачи), Томаш Качмарек, Хорст Крампе, Виталий Воронов, Олег Сафонов. И все это я. С ума сойти можно. Впрочем, это со мной тоже случалось.

Все-таки я был хорошим разведчиком. Несмотря на то, что случилось на станции Калинова Яма.

Москва, 12 июня 1941 года, 21:20

Уставший и встревоженный Сафонов медленно шел по Кропоткинской улице¹ по направлению к Смоленскому бульвару. После разговора с Костевичем он, как и обещал, за час закончил интервью и сдал его в редакцию, а в конце рабочего дня взял в бухгалтерии обещанные деньги и отправился на вокзал за билетом. Ему повезло: билеты на нужную дату имелись. Решив не жалеть редакционных денег (тем более что сумма была выдана на поездку в оба конца, а возвращаться Сафонов не планировал), он купил билет в двухместное купе спального вагона прямого сообщения — если уж ехать на опасное задание, то с полным комфортом. Заранее купил две пачки папирос, набил портсигар.

Пожинав в столовой, домой он пошел пешком — долгая прогулка позволяла привести в порядок чувства, успо-

¹ С 1994 года — Пречистенка.

коиться и проветрить голову. Солнце обдало Москву последней порцией жгучей предвечерней жары, полыхнуло над горизонтом красным закатом и исчезло: стало свежо и прохладно. Это было любимое время Сафонова, когда его уставший за день рассудок отдыхал в тени уходящего дня, и мысли становились ясными и прозрачными.

Через пять дней он покинет Москву и, скорее всего, теперь долго не увидит ее.

«Значит, все-таки война, — думал он. — Опять война. И ведь черт знает, как здесь пойдет дело. Это с Польшей и Францией все было ясно изначально, а здесь...»

Он вдруг отчетливо представил себе взвод солдат вермахта, идущих колонной по Кропоткинской. Они будут уставшими, с перепачканными сажей лицами, с закатанными рукавами. Здесь уже не будет боев: канонада будет слышна где-то дальше, за Кремлем, в районе вокзалов. Окна домов будут пустыми и безжизненными, брусчатка — разбитой, стены покроются трещинами и следами от пуль. Какой-нибудь испуганный русский ребенок в рваной телогрейке будет смотреть на проходящих мимо солдат, прижимаясь к стене. Где его родители? Впрочем, неважно. В воздухе будет висеть тяжелый и сладковатый запах пороха. Со стороны Ленинских гор будет валить густой черный дым: схватка за эти высоты наверняка будет долгой...

— Товарищ, прошу прощения, у вас не найдется случая папиросы?

Сафонов повернул голову: перед ним стоял молодой светловолосый артиллерист с петлицами лейтенанта, чуть поодаль стояла ожидавшая его девушка в белом платье в синих узорах.

— Да, конечно, — Сафонов извлек из портсигара папиросу и протянул ее лейтенанту.

— Огромное спасибо. Да, и скажите, пожалуйста, правильно ли мы идем к Чистому переулку? Это ведь в той стороне?

— Да, именно там. Это недалеко, вам идти минут десять.

— Спасибо, спасибо огромное! — Лейтенант чиркнул спичкой, закурил и элегантно взял девушку под руку. — Я же говорил, что недолго! Пойдем.

Сафонов некоторое время смотрел им вслед. Они говорили друг с другом, девушка смеялась, лейтенант курил и легким щелчком пальца стряхивал пепел. Такой молодой, а уже с замашками аристократа. Сафонов представил, как его убьет осколком снаряда прямо на артиллерийских позициях.

«Да что ж я за человек», — с неожиданной злобой на себя подумал он. Портсигар все еще был в его руке: он достал папиросу и тоже закурил. Затянулся, по привычке повел плечом и хрустнул пальцами, неторопливо пошел дальше. Начинало немного холодать, поднялся слабый ветер.

Когда он гулял по Кракову в конце августа тридцать девятого, в его голову не приходило подобных мыслей. Тогда его звали Томаш Качмарек.

Сафонов свернул на улицу Льва Толстого и пошел в сторону Несвижского переулка. Там был его дом. В воздухе уже сгущалась темнота.

Дойдя до дома, он решил выкурить на улице еще одну папиросу — идти в квартиру почему-то не хотелось. Он чиркнул спичкой, поднес ее к лицу и вдруг заметил боковым зрением быстро идущего к нему человека в шляпе и длинном плаще.

Сафонов отбросил спичку и резко шагнул назад. Его мышцы мгновенно напряглись. Спустя долю секунды он разглядел лицо человека: это был Клаус Кестер.

— Клаус? Что вы делаете здесь? Что случилось? — с досадой спросил Сафонов, сжимая в зубах папиросу.

Кестер приблизился к нему вплотную, не решаясь заговорить. Он выглядел напуганным до полусмерти и тяжело дышал. Руки он прятал в карманах плаща.

— Что? Что случилось? — взволнованно повторил Сафонов.

— Боже, наконец-то вы. Я жду вас здесь два часа, — голос Кестера дрожал, его немецкий акцент был еще сильнее, чем прежде.

— Клаус! Ответьте мне, что случилось? Пойдемте к подъезду, — он кивком указал в сторону дома и пошел к двери; Кестер, испуганно оглядываясь, направился за ним следом.

— Я боюсь, я очень боюсь. Очень боюсь, — быстро заговорил Кестер. — Очень.

Сафонов разозлился. Глубоко вдохнул через сжатые зубы, резко выдохнул, снова достал спичку, поджег, закурил. Посмотрел в глаза Кестеру.

— Клаус, — медленно сказал он. — Сейчас вы немедленно объясните мне, что случилось. Внятно и доходчиво.

— Да, да, конечно... — Кестер с трудом подбирал русские слова. — Я, как это... Чувствую колпак. Мой поезд уедет рано утром. Я боюсь не дожить.

— Что вы такое несете? Так. Успокойтесь. Сейчас мы поднимемся в квартиру. Я налью вам чаю. Вы подробно расскажете мне все. Если вам так будет удобнее, можете на немецком.

— Да, да. Хорошо. На немецком, так лучше, намного лучше.

Сафонов с досадой бросил недокуренную папиросу, затоптал ее и открыл дверь. Они поднялись по лестнице на третий этаж и вошли в квартиру. Сафонов включил свет.

— Плащ можете повесить здесь, — он кивнул в сторону вешалки.

Через минуту Кестер сидел на кухне за небольшим деревянным столом, а Сафонов подогревал чайник на электрической плитке.

— Итак, — поставив чайник, Сафонов заговорил по-немецки. — Повторяю вопрос: что случилось? Вы пришли к моему дому, это очень глупый, необдуманый и опасный поступок. Чего вы так испугались?

— Понимаете, Гельмут... Я чувствую, что за мной следят. — Кестер тоже перешел на немецкий.

— И пришли ко мне! — Сафонов чуть было не повысил голос от неожиданности. — Отличное решение! Гениальная мысль!

— Нет-нет... Я проверял, сейчас за мной точно нет хвоста, я шел к вам дворами, я специально надел этот плащ и шляпу.

Только этого не хватало, подумал Сафонов. Проверял он, конечно.

— Ладно, — сказал он. — С чего вы взяли, что за вами следят?

— Вы знаете майора Орловского?

— Очень распространенная фамилия. В России наверняка много майоров по фамилии Орловский.

— Этот человек — сущее зло.

— Подробнее.

— Знайте: если вы услышите или увидите где-то его фамилию или, не дай Бог, его самого — будьте крайне бдительны и осторожны. Это очень опасный человек.

— Кто это?

Немного успокоившийся было Кестер вновь сильно занервничал, заговорив об Орловском.

— Он похож на свою фамилию... Настоящий орел. Он парит над жертвой кругами, пока она его не видит, а когда видит, становится поздно. Он хватает ее в свои руки и никогда больше не отпустит.

— Только что вы сказали: «если увидите, будьте осторожны». Вы противоречите себе. Как же я буду осторожен, если будет уже поздно?

— Это неважно! — Кестер вдруг сорвался на крик.

— Но-но, успокойтесь. Возьмите себя в руки.

Сафонова раздражала эта паника. Кестер был выше его по иерархии, но сейчас он чувствовал себя в полном праве приказывать.

— Да, да... — Кестер вновь понизил голос. — Сегодня после разговора с вами я увидел запись с фамилией Орловского в книге посещений посольства. Он приходил сегодня. Он приходил вчера. И позавчера. Каждый раз — приходил на пять минут и снова уходил.

— Вы не сказали, кто это.

— Я слышал о нем ужасные вещи.

— Какие? Конкретнее.

— Он демон, настоящий демон. Он следит за мной и будет следить за вами. Он поймает меня, он поймает вас. Поймает меня... — Кестер запустил руку в свои седые волосы. — Гельмут, я старый. У меня дочь в Берлине. Гельмут, я очень боюсь насилия. Если они будут бить меня, я сдам всех, понимаете?

Волна злобы захлестнула Сафонова, но он не подал виду. Он сглотнул слюну, подошел вплотную к столу и четко, медленно проговорил, глядя прямо в глаза:

— Клаус. Знаете, что сделал бы на моем месте другой разведчик после ваших последних слов? Знаете? Да, знаете. Он убил бы вас. Прямым выстрелом в лоб. Прямо здесь, за этим столом. А затем покинул бы эту квартиру.

Глаза Кестера расширились от ужаса, но Сафонов быстро продолжил:

— Но я не сделаю этого. Я очень хорошо знаю вас. Я помогу вам. Более того: когда все закончится, я никому не расскажу об этом эпизоде. Но для этого, снова прошу вас, очень прошу: возьмите себя в руки. Немедленно. Возьмите. Себя. В руки. В конце концов, вы же дипломат.

Кестер опустил голову и на некоторое время замолчал. Затем ответил совсем тихим голосом:

— Я не дипломат, Гельмут. Я шпион. Как и вы. А вы знаете, что они делают с немецкими шпионами.

— В первую очередь вы солдат невидимой армии фюрера, — отчеканил Сафонов. — Так и ведите себя как солдат. Не время распускать нюни: вы этим ничем не поможете.

Вода закипела. Сафонов наполнил заварочный чайник, поставил на стол два фарфоровых блюдца и чашки. Кестер молчал.

В полной тишине Сафонов разлил чай, поставил на стол сахарницу со щипцами, уселся на стул напротив Кестера и стал говорить — тихим, спокойным и мягким голосом.

— Я понимаю, Клаус, что я сейчас не добьюсь от вас подробной информации. Я не буду ее добиваться. Для меня и для вас сейчас самое главное, чтобы вы успокоились и не делали глупостей. При этом я понимаю, что вы очень напуганы и боитесь за свою жизнь. Что уж поделать, такая у нас работа. Поэтому мы поступим следующим образом, — он сделал глоток горячего чая. — У меня есть здесь хорошие знакомые. Проверенные люди. Они заведуют гостиницей неподалеку отсюда — пятнадцать минут ходьбы. Они могут помочь в случае проблем. Сейчас я отведу вас в эту гостиницу и поселю в номер, представив вас как своего друга. Никаких вопросов они не будут задавать. Более того: я попрошу их, чтобы они вызвали вам такси в... Во сколько у вас завтра поезд?

— В полдень, — глухо отозвался Кестер.

— Чтобы они вызвали вам такси к одиннадцати утра. Они доедут до вокзала вместе с вами и проследят, чтобы вы сели на поезд. И я удостоверюсь завтра, что вы так и сделали. Вы поняли меня?

— Да. Да, да, — закивал Кестер, дрожащими руками поднося к губам чашку. — Спасибо вам.

Сафонов понял, что его гость успокоился. Он не наврал: его знакомые действительно заведовали гостиницей на Фрунзенской набережной. К ним можно было обратиться в случае проблем, чтобы переночевать в номере. Однажды Сафонову пришлось воспользоваться их гостеприимством, поэтому он знал, о чем говорил. Вопросов они действительно не задавали. Они знали его как Виталия Воронова.

— Допивайте чай, дружище. Если хотите, могу налить еще. И пойдем: время уже позднее. Все будет хорошо, Клаус. Обязательно.

Все будет хорошо, думал он.

Москва, 13 июня 1941 года, 01:40

Сафонов вернулся домой далеко за полночь — невероятно уставший и злой. Состояние Кестера беспокоило его; впрочем, он оставил его с надежными людьми. Они точно проследят, чтобы с ним ничего не случилось. А если вдруг и случится, он, Сафонов, узнает об этом сразу же. Сейчас, думал он, его поят чаем и укладывают спать на кровать в номере. Пусть как следует выспится.

Так ему было намного спокойнее.

Он лег на кушетку прямо в брюках и рубашке, растегнув только три верхние пуговицы. Раздеваться было лень, но спать не хотелось, несмотря на усталость. Он лежал и смотрел в темный потолок, ворочался с бока на бок, закрывал глаза, снова открывал и видел темный потолок. В конце концов он тяжело вздохнул, встал и закурил у окна.

Он думал о работе.

Сафонов всегда говорил себе, что разведчик должен в любой ситуации сохранять хладнокровие. Это азы, это оче-

видная истина, понятная даже ребенку. Никогда нельзя давать волю эмоциям — ведь в опасной ситуации один дрогнувший мускул на лице сможет выдать тебя с потрохами. Достаточно один раз ослабить хватку над собой, как дальше все покатится вниз по склону, как снежный ком, и все — ты больше не разведчик, ты заключенный или труп.

Даже наедине с собой, говорил себе он, даже наедине с собой ни в коем случае нельзя давать волю эмоциям. Вообще, конечно, этих эмоций и вовсе не должно быть: только холодная голова, только мысли о деле, и ничего больше.

Но произошедшее с Кестером страшно злило его. Настолько злило, что хотелось сунуть голову в ведро со льдом, чтобы перестать испытывать эту злобу — ведь это плохо, нельзя, нехорошо испытывать сильные эмоции, и нельзя волноваться, нельзя нервничать, от этого все может пойти вверх дном.

Нечто извне вмешивалось в работу отлаженного механизма, и из-за этого шестеренки начинали тормозить и предательски скрипеть. Такого быть не должно. Ситуация всегда, абсолютно всегда должна быть под полным контролем. Сейчас Сафонов не чувствовал этого контроля.

Но если очень хочется и никто не видит, то можно, подумал вдруг он, выбрасывая окурок.

И со всей силы, сжав зубы до крови в деснах, ударил кулаком в стену.

ВЫПИСКА

*из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 1 июля 1941 года*

ВОПРОС. Когда и каким образом вы познакомились с Клаусом Кестером?

ОТВЕТ. В ноябре 1939 года, вернувшись из Польши, на званом ужине в Берлине.

ВОПРОС. Вы поддерживали с ним близкие отношения?

ОТВЕТ. Не очень. Мы редко встречались.

ВОПРОС. Насколько часто вы общались с Кестером в Москве?

ОТВЕТ. Примерно раз в два-три месяца. Не особенно часто.

ВОПРОС. Это он передавал вам задания из центра?

ОТВЕТ. Да.

ВОПРОС. И задание выяснить данные о Брянском гарнизоне тоже передал вам Кестер?

ОТВЕТ. Да.

ВОПРОС. Когда он передал вам это задание?

ОТВЕТ. 12 июня.

ВОПРОС. Когда вы последний раз видели Кестера?

ОТВЕТ. Вечером того же дня.

ВОПРОС. Как это произошло?

ОТВЕТ. Он пришел к моему дому и сказал, что очень напуган.

ВОПРОС. Чего он боялся?

ОТВЕТ. Вас.

ВОПРОС. Поясните.

ОТВЕТ. Советских контрразведчиков.

ВОПРОС. Нам известно, что в ту ночь его приютили в гостинице. Как называлась гостиница?

ОТВЕТ. «Пролетарий» на Фрунзенской набережной.

ВОПРОС. Назовите имена и фамилии тех, кто предоставил Кестеру номер и сопровождал его до поезда.

ОТВЕТ. Третьяков Олег Алексеевич, Вавилин Николай Федорович.

ВОПРОС. Вы получали на следующий день какие-либо сведения о Кестере?

ОТВЕТ. Да. Мне сообщили, что он уехал в Берлин.

ВОПРОС. Кто вам об этом сообщил?

ОТВЕТ. Третьяков.

ВОПРОС. Когда вы купили билет на поезд до Брянска?

ОТВЕТ. Вечером 12 июня.

ВОПРОС. Что произошло на станции Калинова Яма?

ОТВЕТ. Я не знаю.

II. Мост

Мне было десять лет, когда мать и отец повезли меня в Севастополь; это был конец августа, и мы поселились в домике возле мыса Фиолент. Однажды в середине жаркого дня я задремал на террасе и увидел удивительный сон: будто бы я нырнул со скалы в море и погрузился глубоко-глубоко, туда, где в угасающих лучах солнца мир становится темно-синим. На морском дне возвышался роскошный стеклянный дворец с хрустальными колоннами и алмазными барельефами. В этом замке невиданной красоты не было никого, только чудные большеглазые рыбы смотрели на меня, беззвучно раскрывая в изумлении рты. Я плывал по огромным комнатам и длинным извилистым коридорам, нырял узкими колодцами винтовых лестниц и в конце концов добрался до главного зала, где на величественном троне из зеленого стекла восседал хрустальный скелет в серебряной короне, украшенной жемчугом. Но в глазницах его прозрачного черепа искрились рубины кровавым огнем, и страх овладел мной. Я понял, что воздух уходит из легких, и попытался подняться, но слишком запутанными были эти комнаты и эти коридоры; я не мог найти обратный путь, стекло под водой издевалось и обманывало меня, и когда уже казалось, будто бы я наконец нашел путь к поверхности, всякий раз я натывался на невидимый стеклянный потолок.

(Из рассказа Юрия Холодова «Желтая пена»)

Москва, 13 июня 1941 года, 13:00

У Сафонова был выходной, поэтому он позволил себе поспать до десяти утра и еще поваляться в постели. Он любил говорить, что человек после пробуждения должен вылежаться, как вино, которому дают подышать, после того как вытащили пробку. Когда солнце стало настойчиво бить в глаза сквозь окно, он все же заставил себя встать и покурить у окна — утро он всегда начинал с папиросы, — а затем принять душ, побриться и сварить кофе.

После полудня он набрал номер гостиницы.

— Гостиница «Пролетарская», — прозвенел в трубке голос молоденькой телефонистки.

— Доброе утро. Девушка, будьте добры Олега Алексеевича к аппарату.

— Одну минуту.

Действительно, ровно через минуту (Сафонов считал) в трубке раздался уставший и недовольный мужской голос:

— Третьяков у аппарата.

— Доброе утро, Олег Алексеевич, это Виталий Воронов вас беспокоит.

Голос в трубке сразу оживился.

— Да-да, слушаю вас внимательно.

— Я по поводу моего друга. С ним все в порядке?

— Все в полном порядке! Сел на поезд, уехал. Сами посадили, я только что с вокзала.

— Как его состояние? Нормально себя вел?

— Уснул сразу же, как убитый! Влили ему водки стакан — моментом отвернулся к стенке и захрапел. Еле разбудили!

— Хорошо, хорошо. Спасибо, Олег Алексеевич. Вы очень помогли.

— Не за что, товарищ Воронов. Обращайтесь всегда.

— Еще раз спасибо. Всего доброго.

— До свидания.

Он повесил трубку и сделал глоток кофе. Все вышло хорошо, подумал он. Надо прогуляться по городу — это последний выходной в Москве. Вечером — день рождения Костевича в «Коктейль-холле»: надо прийти, иначе обидится, а это сейчас ни к чему. Затем три рабочих дня, а потом поезд.

Костяшки пальцев сильно болели.

Из дома он вышел через час. Жара стала еще сильнее, чем вчера: Сафонову пришлось снять кепку и закатать рукава рубашки. Он решил дойти до Чистых прудов и выпить пива в какой-нибудь столовой. Сегодня ему совсем не хотелось думать о работе.

— Товарищ, товарищ! У вас три рубля выпали! — раздался сзади женский голос, едва Сафонов отошел от подъезда.

Он обернулся: на него смотрела полная барышня с красноватым лицом; в двух пальцах она зажимала зеленую трехрублевку.

— Три рубля? — удивленно переспросил Сафонов.

У него не было с собой трех рублей: только две пятирублевки и четыре червонца.

— Что ж вы такой, — сказала женщина, подойдя к Сафонову. — Возьмите, нечего деньги терять!

Сафонов хмыкнул. Бывало, что он терял деньги, но находить что-то крупнее рубля до сих пор не приходилось.

— Спасибо, — сказал он и взял у барышни купюру с красноармейцем. — Видимо, и правда выпала.

— Не теряйте больше! — рассмеялась женщина. — Это я такая добрая, сразу заприметила, а другая прикарманила бы и пошла по своим делам.

Сафонов улыбнулся в ответ и сунул купюру в задний карман брюк.

— Действительно, — ответил он. — Спасибо еще раз.

— Не за что! — барышня подмигнула ему и ушла в подъезд.

«Лишние три рубля не помешают, что уж там», — подумал он, снова удивленно хмыкнул самому себе и пошел дальше.

Дойдя до центра, он зашел в книжный и решил купить одну из книг Холодова, чтобы не попасть в неудобную ситуацию при общении с писателем и хотя бы узнать его биографию. В продаже оказался только небольшой сборник из девяти рассказов под названием «Цвет звезд». Купив книгу, Сафонов бегло посмотрел оглавление: «Желтая пена», «Алая степь», «Бирюзовая ночь», — а затем открыл предисловие и ознакомился с биографией. Ничего особенно примечательного: родился в 1916 году в Брянске, жил и учился там же, публиковался в газетах, в 1938 году издал первую повесть «Рельсовый запах» о строительстве железной дороги, а этот сборник рассказов, вышедший в 1940-м, стал его второй книгой. Представитель молодого поколения, надежда советской словесности, мастер ошеломительных образов, высокий художественный уровень, последовательный приверженец ленинизма-сталинизма... Вчитываться в рассказы Сафонов не стал, чтобы было чем занять себя в поезде.

Главное Управление Имперской Безопасности

Секретно

*Начальнику VI управления РСХА бригаденфюреру СС
Хайнцу Йосту*

13.XI.1939